– Но Регина все равно тоже рабыня? – упорствует Эмма.

– С привилегиями, – уклончиво отвечает Робин, и Эмма быстро понимает, что пока не стоит касаться этой детали. Однако на всякий случай все равно спрашивает:

– Что это за привилегии?

Робин смотрит в сторону.

– Спроси у нее сама.

Разумеется, Эмма не сделает этого в ближайшее время. Их прошлый разговор с Региной начался и закончился не слишком хорошо, кроме того, она все еще подспудно раздражает Эмму, и нет абсолютно никакого желания общаться с источником раздражения.

Но ей еще и любопытно, а любопытство, как известно, проще удовлетворить, чем прогнать безрезультатно.

Раб не возвращается от Ауруса, и Эмма вновь задает вопросы:

– Откуда она? Почему стала рабыней?

Робин качает головой. По его лицу понятно, что разговор ему в тягость.

– Я не знаю. Она уже была ею, когда я появился здесь.

– А кто-то другой знает? – снова упорствует Эмма. Регина интересует ее. Может быть, из-за того, что тоже женщина. А может быть, ей хочется выяснить, что же стоит за той надменностью, что продемонстрировала Регина вчера. Эмма чует, что здесь есть какая-то история. Но вот какая?

Робин мнется, будто не знает, стоит ли говорить, но в итоге Эмма слышит:

– Другие гладиаторы рассказывали мне, что Аурус с семьей приехал в Тускул около десяти лет назад. И уже тогда Регина была с ними. Никто не знает, чем он занимался до того, как основать здесь лудус.

Эмма кивает, потом виновато спрашивает:

- Я задаю слишком много вопросов?

Робин по-доброму улыбается ей.

- Мне нравится, что ты интересуешься этим местом. Было бы хуже, если бы ты замкнулась в себе. Поверь, Эмма, то, что случилось с тобой, не самое худшее.

Эмма с трудом верит ему и хочет спросить еще что-нибудь о Регине, но тут из покоев Ауруса появляется раб и жестом приглашает Эмму пройти. Робин моментально подталкивает ее, шепча:

– Не забудь звать его господином.

И это вовремя, потому что Эмма, конечно, успела забыть. Она кивает и, распрямив плечи, заходит в таблинум, оказываясь в большой, практически пустой комнате. По центру ее стоит стол со стопками табличек, покрытых воском, справа от двери виднеется большой деревянный сундук, закрытый на крепкий замок. На стенах висит нечто вроде разноцветных масок. Эмме кажется, что они выполнены из воска.

Аурус обнаруживается возле небольшого окна. Он внимательно изучает одну из табличек, потом, видя, что Эмма топчется возле двери, приветливо манит ее к себе.

– Проходи, милая, не бойся.

Он и сам отходит от окна и, положив табличку на стол, берет в руки кувшин и наливает в плоскодонные чаши некий багровый напиток. Но, может быть, он только кажется багровым, потому что в помещении темно, и зажженные светильники не спасают.

– Это есть шедех*, – говорит Аурус. – Напиток из-за моря. Но как по мне, он ничем не отличаться от нашего граната.

Эмма осторожно берет протянутую чашу. Аурус ведь не отравит ее, верно? Зачем ему мертвый гладиатор. Разве что супруга или дочь успели уговорить его избавиться от странной северянки.

Словно чувствуя сомнения Эммы, Аурус первым делает глоток. Эмма, продолжая колебаться, следует за ним. Напиток моментально сводит челюсть, Эмма морщится, рот наполняется обильной слюной, которую она сглатывает вместе с напитком.

– Студий сказал, тебе нужен гранат, – поясняет Аурус свою щедрость. – Я распорядился поить тебя им три раза в день. Ты получила его утром?

Эмма колеблется, но в итоге мотает головой. Она не уверена, что стоит начинать со лжи.

Лицо Ауруса темнеет. Он ничего не говорит, дожидается, пока Эмма осушит чашу, и подливает

ей еще. С каждым глотком шедех становится все слаще, и Эмма не уверена, что сможет пить его каждый день.

– Ты знаешь, зачем я звал тебя, Эмма? – спрашивает Аурус чуть погодя.

Эмма мотает головой. Потом спохватывается и добавляет торопливо:

– Нет, господин.

Аурусу явно нравится это обращение. Он благосклонно улыбается, подходит к Эмме и проводит ладонью по ее щеке, затем по волосам, осматривает ее, совсем как вчера, будто что-то могло поменяться.

– Я отношусь к тебе хорошо, Эмма, пока ты ведешь себя хорошо. Но я могу поменять свое отношение. Ты понимаешь меня?

Эмма понимает.

– Да, господин.

– Хорошо, хорошо, – кивает Аурус и хитро щурится. – Я знаю, что тебе нужен отдых после тяжелого путешествия. Наута – отвратительный хозяин. Я знаю, что он бил тебя в пути. За это я заплатил ему меньше, чем любому другому.

Аурус явно гордится своим поступком, но Эмме все равно. Больше или меньше – она рабыня. И в ближайшее время это не изменится.

– Я могу спросить, господин? – тихо интересуется она.

Аурус удивленно вскидывает брови. Очевидно, что он не привык, чтобы к нему обращались с вопросами рабы.

– Можешь, – дозволяет он.

Эмма шумно выдыхает, понимая, что избежала наказания.

– Против кого мне придется сражаться?

Она считает, что Аурус позвал ее, чтобы проверить, насколько она готова к боям. Она даже напрягает мышцы на руках, чтобы показать, что достаточно сильна. В конце концов, это будет хоть какое-то движение вперед. И нога ведь уже не болит.

Но Аурус смеется и качает головой.

– О, милочка, ты еще недостаточно хороша, чтобы выступать. Но сегодня я устраиваю ужин, на котором планирую обсудить твоих будущих соперников. Ты ведь не думаешь, что я выставлю тебя против мужчин?

Эмма именно так и думает. И не знает, радоваться ей или огорчаться, когда слышит Ауруса. Отец всегда говорил ей, что женщины уступают мужчинам в силе, но превосходят их в ловкости и быстрее просчитывают свои шаги: на один мужской удар приходится два женских, и соперница уже держит в голове третий и четвертый. Отец знал, о чем говорил: когда он ездил за море, то сталкивался пару раз с отрядами женщин-воительниц. Ему даже довелось сразиться с несколькими из них. После одной из таких схваток он лишился двух пальцев на левой руке.

– Нет, господин, – соглашается Эмма с Аурусом, и тот, впечатленный ее покорностью, заставляет ее выпить еще одну чашу шедеха. От третьей порции Эмму начинает мутить, она боится, что извергнет обратно всю щедрость Ауруса, и безмерно радуется, когда тот отпускает ее, говоря:

– Скажи Робину, чтобы он подготовил тебя к вечерней трапезе. Я хочу, чтобы ты смотрела и привыкала, Эмма. Это теперь твой дом. Ты должна любить его.

Эмма с облегчением возвращается к Робину, который верно ждет ее, никуда не уходя. Вместе они возвращаются в лудус, и Эмма, передав Робину слова Ауруса насчет ужина, с удовольствием уходит в свою камеру, где ложится на примятое с ночи сено и прикрывает глаза. Ей кажется, что проходит всего ничего времени, но вот ее трясут за плечо и призывают подняться. Это Робин, он держит что-то в руках, и это «что-то» похоже на те повязки, что сейчас на Эмме, только более новые и чистые.

– Это сублигакулюм*, – произносит Робин сложное слово, и Эмма сомневается, что запомнит его. – Набедренник. Как на мне.

Он смотрит на Эмму и немного смущенно говорит ей:

– Тебе надо раздеться.

Эмма понимает, что сейчас впервые добровольно разденется перед мужчиной. От этой мысли соски ее сморщиваются, когда она стягивает с груди первую повязку. Робин сглатывает и бормочет:

– Это должны были сделать Мария или Регина, прости. Я не знаю, почему Аурус поручил это мне.

Эмма избавляется от набедренной повязки и видит, что Робин реагирует на ее голое тело вполне определенным образом. Мать говорила ей, что это лучшее доказательство женской привлекательности, но Эмма не испытывает ничего к Робину, чтобы радоваться такому доказательству. Она молчит, опустив руки вдоль тела, а Робин тяжело дышит и не двигается с места. Наконец он на мгновение прикрывает глаза, а когда открывает, в его взгляде нет ровным счетом никакого плотского интереса. Эмма поражается тому, как быстро он взял себя в руки, и только набухший член доказывает, что телу своему Робин не может приказывать.

Робин разворачивает довольно длинный лоскут кожи треугольной формы. Один конец протягивает горизонтально вдоль спины Эммы и завязывает узлом на животе. Свободный край пропускает между ее ног и протаскивает под узлом так, что угол свободно свисает спереди. Все это он закрепляет широким кожаным поясом, цепляя его концы за мелкие крючки.

– Готово, – хрипловато произносит он и улыбается, поднимая голову. Эмма кивает и, колеблясь, указывает на свою все еще обнаженную грудь.

– Да, – спохватывается Робин и поспешно протягивает ей полосу из сырой кожи, которую Эмма закрепляет сама, благо, там нет ничего сложного. Дело за обувью, и она чем-то похожа на ту, что была на Марии.

– Ты хочешь есть? – спрашивает Робин. Эмма отрицательно мотает головой. Она не очень хорошо себя чувствует, должно быть, из-за шедеха.

Взгляд Робина становится серьезным.

– Когда начнется твое обучение, тебе обязательно придется питаться три раза в день.

– Хорошо, – вяло отвечает Эмма. Тогда ей наверняка уже будет хотеться есть.

Они выходят из камеры и снова минуют две галереи, и Эмма уже не разглядывает их с таким интересом, как утром, отмечает лишь, что там снова никого нет.

– Гладиаторы будут прислуживать на пиру, – отвечает Робин на вопрос Эммы. – Может быть, Аурус задумал кого-то продать. Или хочет, чтобы ему ссудили денег под кого-то из нас.

Они снова входят в домус, и Эмма внезапно понимает, что ей надо облегчиться. Она говорит об этом Робину, и он, вздыхая, ведет ее куда-то за угол, где указывает на большой горшок.

– Быстрее, – торопит он ее. – Нас не должны здесь застать.

Эмма спешит как может, но путается в набедреннике, и это явно злит Робина. Он молчит, однако Эмма буквально кожей ощущает его злость.

– Прости, – шепчет она виновато, пока в животе у нее бурлит. – Это все шедех.

Робин продолжает молчать, и Эмма закусывает губу, справляясь с опорожнением желудка быстрее, чем планировала. Пока она думает, чем обтереться, Робин, не глядя, указывает ей на стоящее в стороне ведро с водой, рядом с которым стопкой сложены аккуратные куски ткани.

– Смочи и воспользуйся.

Эмма так и поступает, а потом, поколебавшись, кидает ткань прямо на пол.

– Да, – одобряет Робин ее поступок. – Потом это уберут.

Они слышат голоса и спешат выйти из темного закутка. Мимо проходят три раба: надрываясь, они тащат корзины, доверху наполненные разнообразной едой. Эмма внезапно чувствует голод. Очевидно, ей полегчало. Она зачем-то оборачивается назад и говорит задумчиво:

– Если в домах у знати есть отхожие места, почему они гадят прямо на улицах?

Робин усмехается.

– В городе знать занимается этим в специальных общественных местах, Эмма, – он прибавляет шаг, и светильники, мимо которых он буквально проносится, принимаются мерцать от порывов ветра. – Но за удобства нужно платить. А что делать беднякам*?

Он замолкает. Молчит и Эмма, еще и потому, что навстречу им все чаще попадаются рабы. Сколько же их у Ауруса? Или Эмма просто не может запомнить лиц?

В подступающих сумерках дым курилен вьется под потолком, создавая плотную ароматическую завесу. Эмма старается глубоко не дышать, боясь, что закружится голова. Они с Робином минуют таблинум Ауруса и устремляются по коридору вперед, к колышущейся в большом проеме пурпурной занавеси. Эмме чудится, что она слышит за ней приглушенные голоса.

– Тут часто устраиваются пиры? – прибавляет она шаг вслед за Робином. Его волнение передается и ей, и она опасается опоздать. В голове рождаются образы того, как именно здесь наказывают рабов. Десять ударов плетьми? Двадцать? Пятьдесят?

– Достаточно, – отвечает Робин. – Аурусу нужно поддерживать свое положение в Тускуле – за счет того, чем он занимается, оно может упасть весьма быстро. Но он зовет к себе в дом богатых меценатов, дарит им дорогие подарки и позволяет выбирать гладиаторов на ночь.

Эмма думает, что ослышалась. Гладиаторов на ночь? Но Робин невозмутим и спокоен, его явно

не смущает то, что он только что произнес.

– В каком смысле? – осторожно уточняет Эмма.

Робин чуть улыбается.

– Не волнуйся. Тебя Аурус пока что никому не отдаст. Ты еще не успела выйти на арену, ты никому не интересна.

Наверное, это должно обидеть, но Эмма не обижается, потому что понимает, что именно имеется в виду. Аурус продает гладиаторов как доступных женщин. Неужели и Робин тоже?.. Эмма косится на своего нового друга, не рискуя спрашивать, у скольких женщин он побывал таким образом. Она невольно смотрит на его пах, отмечая, что там все в порядке.

Робин останавливается возле занавеси и берет Эмму за плечи, поворачивая ее к себе, затем назидательно говорит:

– Когда войдем, встанешь рядом со мной. Никуда не отходи. Не смотри никому в глаза, особенно гостям – за это накажут. Если позовут – подойдешь. За непослушание накажут. Ничего не спрашивай и отвечай только тогда, когда спросят. Иначе…

– Накажут, – понятливо произносит Эмма.

Робин успокоенно кивает и, отпустив ее, разводит в разные стороны концы занавеси, открывая перед Эммой большое пространство, заполненное людьми.

Примечания:

Шедех – египетский напиток из граната.

Управляющий (лат. villicus) – тот, кто следил за исполнением рабами своих обязанностей, разбирал их ссоры, удовлетворял их законные нужды, поощрял трудолюбивых и наказывавший виновных.

Маргарита – имя греческого происхождения, но для полноты картины и сходства с ОВС сделаем вид, что и иудейки тоже его носили в то время.

Клепсидра — известный со времён ассиро-вавилонян и древнего Египта прибор для измерения промежутков времени в виде цилиндрического сосуда с истекающей струёй воды. Был в употреблении до XVII века.

Домус (лат. domus) — дом-особняк одного рода.

Таблинум (лат. tablinum, tabulinum, дословно: "архив, деревянная галерея, терраса") — кабинет хозяина, где он хранил деловые бумаги, семейный архив, официальные документы, семейные записи и портреты предков.

Сублигакулюм – вид нижнего белья в древнем Риме, своего рода набедренная повязка из кожи.

В Древнем Риме действительно существовала система общественных уборных. И за посещение сего чудного заведения действительно приходилось платить, так что доступно это удовольствие было не всем.

http://erolate.com/book/1136/29495